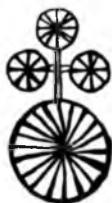

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

И.А. МОРОЗОВ, И.С. СЛЕПЦОВА,
Е.Б. ОСТРОВСКИЙ, С.Н. СМОЛЬНИКОВ,
Е.А. МИНОХИНА

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
СЕВЕРНОГО БЕЛОЗЕРЬЯ**

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ

МОСКВА 1997

[«Как под овином гадали»]. «Она сперва работала в Липином Бору воспитателем в детском саду, это уже в эти годы-то всё. Ну вот, значит, они что: сошли три девушки, договорились. А ребята, наверно, слышали, что... Значит, нао встать вот — овины сушат, понимаешь что? — ту(д)а под овин-то, к каменке, где огонь-то топиццэ, туа. Наверху-то там снопы накладены. Ранше снопы жали, дак. Наа голой задницей, вытулить туа задницу. Вот если как потрогат в руковище за задницу, понимаешь, сё (а может и за маточку схватят!) — значит выйду за богатово замуж. Если как голой рукой захватят — значит за беднова. А если лопатой, то значит помру. Так вот эта дёйка (там ребята подслушали), а она вытулила жопу, а ей как лопатой дали! Понимаешь? А она и пала, понимаешь. А эти, дёйки эти, больше и не пошли слушать. А эта дёйка сийчас исё, каэцца, жива, не померла. А уш ей годов семисят, понимаешь, сё. Вот как было дело это. Это под овин ходили, понимаешь, сё» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:56-56б.].

В устах другого рассказчика подобная история о святочных проделках парней по форме приближалась к быличке.

[«Почему страшно гадать»]. «Они [=девки] пошли — наа тут смелую тожо! — пошли в баню, в нетопленую баню пошли. Ну вот собралисе, што: “Какой жених?” Вот наа голой задницей туда высунуцца, во двери в баню. Вот одна высунулася. А там наа шаршавой рукой — эта за богатова, значит, выйдёт. А у другой — голой, эта — за бедново. А третья подошла, а дурацёк какой-то взял лопату да хлесь ей по заднице-то! Она знай куда и вылетела! Да ладно, што ищё покойника не случилось! Вот как глядить-то!» [ИЕИ, д. Гавриловская; ССН 9:59об.].

Традиционный устойчивый сюжет, имеющий реальную привязку и мотивацию, отличает бывальщину от других жанров устной прозы. Характерный для бывальщин мотив, знакомый также по бытовым сказкам и анекдотам: хитрый гость обманывает простоватого хозяина — использовался в инсценировках святочных ряженых, потешающихся над хозяевами благодаря своей неузнанности (см. «Кудеса»). Сюжеты бывальщин и анекдотов могли разыгрываться кудесами на святочных игрищах и посиделках.

Смольников С.Н.

БАННИК

Баенник и баенница — демонологические персонажи, по представлениям крестьян, хозяева бани. Поверья о баеннике связаны с почитанием бани как особого, сакрального места. Такое отношение к ней сохранялось у старшего поколения вплоть до последнего времени. «Вот кода из байны выходишь, байне нао спасибо гоординь, там што хозяину. Идёшь из байны, намылась и так и гоординь: “Спасиба тебе парная, неугарная. Тебе на стояньицо, а мне на здоровьицо!” И вот каждый раз нао оставить водички в баенке — никуда не выливай, штоб оставить» [СЕВ, д. Задняя Слободка;

СИС 25:18об.]. Иногда обращения к баеннику практически не отличались от обращений к домовому (см.). «В баенку иду, тоже просиши “хозяина”, “хозяюшку” помыща. Ну, вот всё с Богом надо» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:15].

Отношение к баеннику связано с чувством повышенной опасности и страха. Этим продиктовано стремление любой ценой избежать непосредственного контакта с ним. Отсюда запрет мыться в бане после двенадцати часов, когда там появляется баенник. «Ну, вот ты [в баню] сойдёшь, а в двенацать часов ночи ты уш не ходи. Вот тут — я помню хорошо — у нас байна была, а та суседка, грит: “Я сошла, — грит, — нао было розвисить пинжаки (знаэшь, с озера пришли ребята)”. Так она: “Как открыла, — грит, — а там моэцца на этом, на полке. Я, — го(в)орит, — закрыла, да унеси Господи!..” Он как челоэк...» [СНН, д. Село; СИС 26:83]. Страх объясняется тем, что по отношению к человеку баенник, как правило, агрессивен. Этим он отличается, например, от подовинника, который и сам защищает овин от посягательств враждебных сил, и помогает в этом хозяину: «А вот один мужик подовин сушил — ну, рига, овин. Овин с этой стороны. И вот приходит — всё на у ёо там сушица, уже подложил дров. Приходит мужик — сосед. Приходит с уздой: “Пошол, — там, — Иван, я пошол, лошадь наа пиривязать, да...” Ишё што с вечера, как. И: “Потом к тибе я зайду!” — “Ну, ладно, заходи”, — говорит. Тут доски были положены, дак лёг да лежит. Приходит. “Ну, привязал лошадь, всё”, — потом, значит. А там пазушины, где тепло-то й от каменки идёт туды, сушить-то, в сушильное помешшэние. Ак такоэ там саниметров питнаццать-дваццать, чтобы тепло туды шло, и там рожь или овёс там пшеница или чёо, дак чтобы сохло. Вот этат кум, сосед, набрал пучёчик и поджигаэт [тут], а мужик-то сторож, сосед-та, как ёо овин-то, говорит: “Чёо ты, — это, значит, — делаэшь-то?” А до этово тогда, когда кум ушов, вышел это, овинник, подовинник-то: “Это, — гоит, — к тибе ни кум приходив, ни кум приходив, а баенник, с бани. Ак ты вот кали две клюхи, принеси ишо клюху. Одну клюху эту в каменку-ту [ни] положь”. Ну, кум-о этот и пришов, да начал соломку да поджигать. “Да ты чё делаэшь-то? Ить солому поджигаешь!” А подовинник-то ему предупредил, што: “Две-то клюки накали, дак одной-то (он черной, а я дымчатой), — как у фрицов вот были кителя мышинново цвета, — дак ты, — гвоит, — если он чёрной, дак ты ево и поджигай этой клюхой-то, а то нам с тобой ни одолеть, он нас сильней!” Подовинник-то сказал. И вот. А потом он ухватил прядку да хотел ишо. Мужик-то выхватали эту, клюху-то, а одна ишо там калицца, красная. И давай водить йему в рыло да везьде. А подовинник йиво тоже, значит. И вот выскочил и удрал. “Вот, — говорит, — а если, — говорит, — бы я тибе ни предупредил? Вот

какой кум-то к тибе приходил!” Вот как бываэт-то...» [КНИ, д. Глухарево; МИА 23:109об.-111].

Баенница, согласно народным представлениям, связана с родильной обрядностью. Былички не только указывают на эту связь, но и отмечают характерную внешнюю особенность баенницы — одноглазость. «Банник есть. Вот у нас, ну, в нашей деревне, значит, раньше как рожонка родит робёноцька, эту рожонку ў байну. Утопляют баню, и рожонку вот с робёноцьком ў байну. Там живет неделю, может и не неделю прожить. Там всё к ней ходят, носят еду в эту байну этой рожонке. Вот один раз, говорят, случай. Вот пришла одна — тут принесла ей чо мо(ж)от в банию. А грят, одной нельзя быть этой, которая родит — рожонка — в бане, чтобы одной нельзя. А это, которая к ней пришла, грит: “Я за водичкой схожу на реку”. Которая пришла-то к ей. А грит, ты, грит, клади ноги в крес(т). Этой рожонке грит: “Ноги в крес клади”. Нога на ногу, чтобы крес быв. Вот она ушла, вдруг глаза, грит, открываю: стоит женщина передо мной, во лбу один глаз, большу-у-швой глаз, и грит: “Женшина, скинь ногу, скинь ногу!” Это чтобы креста не было. Она бы к ей подошла, моот чо бы в ей сделалось. А раз крес положён — ей нельзя. “Я, — гит, — со мной, — гит, — худо сделалось. Из памяти меня выгчи[кнуло]”. Так потом, гэт, сразу эта и пришла женщина, которая ушла за водой-то. Вот каки, виши, слуача... А кто? Тут нецистый дух быў уш. Баенница, этот, баенница: один глаз во лбу. “Світёт, один, — гит, — большой глаз. Со мной, — гит, — худо и зделалось!”» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 9:21].

Смольников С. Н.

БЕСЕДЫ

Беседы играли очень важную роль в жизни деревенской молодежи, являясь тем местом, где происходило знакомство молодых людей и складывание потенциальных брачных пар, усвоение норм поведения и традиционного игрового, песенного, танцевального репертуара, представлений об окружающем мире и т. п. Для этой формы времяпровождения молодёжи характерно сочетание труда и развлечений.

Начало молодежных собраний в избах определялось сроками окончания полевых работ и подготовкой льна (кудели) для прядения. Первая в сезоне беседа обычно устраивалась в одно из воскресений октября или ноября, реже — приурочивалась к крупному местному празднику (Казанская — д. Мосеево; Кузьмин день — д. Филиппово; Михайлов день — д. Макино; Филипповское заговенье — дд. Весёлая, Опрычкино; Николин день — д. Новая Деревня). Нередко ее собирали и в любой будничный день, сразу по окончанию сезона полевых работ. Праздничные и будничные беседы различались по